

мились выше с печатями некоторых смоленских князей, никогда не княживших в Новгороде. В известной степени общий вывод о том, что группу печатей Рюрика Ростиславича составляют не только новгородские буллы, подтверждается ареалом их находок. Рядом с новгородскими экземплярами в этой группе имеются экземпляры, найденные в Киеве (№ 171, I) и в Пскове (№ 170). Во-вторых, вполне возможно, что не все буллы с изображением св. Василия и архангела Михаила принадлежали Рюрику. Обращает на себя внимание, что у Рюрика Ростиславича был, например, сын Ростислав, названный в крещении Михаилом¹²⁰, который недолго сидел даже на киевском столе. Буллы этого князя неизбежно должны повторять набор тех сюжетов, что и печати его отца. Мы только условно относим всю группу рассматриваемых булл Рюрику Ростиславичу, допуская, что будущие находки позволят предпринять необходимые уточнения¹²¹.

Такая условность, между прочим, должна быть признана и для многих других предпринятых выше атрибуций. Датируя большинство печатей временем крещения их владельцев в Новгороде, мы не должны забывать, что буллы с тем же набором сюжетов использовались теми же князьями и во время их деятельности на других столах. Особенно это касается тех случаев, когда однотипные печати существуют в заметном количестве разновидностей.

Существенные трудности вызывает атрибуция булл двум князьям — Ростиславу Мстиславичу Смоленскому и его сыну Мстиславу Ростиславичу Храброму. Эти трудности вызваны тем, что на печатях того и другого князя неизбежно повторяется одно и то же сочетание изображений. Ростислава Мстиславича в крещении звали Михаилом Феодоровичем, его сына Мстислава — Феодором Михайловичем. Обилие вариантов булл с изображением св. Феодора и архангела Михаила вполне отвечает выводу о принадлежности таких печатей не одному, а двум князьям. В попытках конкретного определения этих булл имеется только одна возможность — опереться на технические и стилистические детали разных вариантов, памятуя, что время Мстислава Храброго в Новгороде отделено от времени тамошнего княжения его отца двумя десятилетиями.

Буллы с изображением архангела Михаила и св. Феодора четко разделяются на две группы, каждая из которых отличается известным внутренним тождеством технических особенностей. Одну из них составляют варианты № 152, 153, 154, 155, объединяющие 27 экземпляров. Все эти варианты имеют сравнительно большой кружок штампея (диаметр точечного ободка — 21—22 мм), фигура архангела на них богато декорирована, композициям свойственна пропорциональность, надписи по сторонам фигуры святого воина отличаются полнотой и размещены так, что в одной колонке полностью изображено слово О АГЮС, а в другой также полностью имя св. Феодора.

К другой группе относятся варианты № 183, 184, 185, 186 (всего 12 экз.). Здесь во всех случаях диаметр ободка не превышает 18 мм, фигуры святых кажутся малорослыми, надпись с именем св. Феодора распределена по колонкам таким образом, что начало и конец имени оказываются в разных колонках по сторонам изображения.

В целом первая группа находит ближайšie аналоги в сфрагистике князя Святослава Ростиславича (1158—1160, 1161—1167 гг.; печати № 160, 161, 162), бывшего непосредственным преемником Ростислава Мстиславича, а вторая группа — в сфрагистике князя Ярослава Владимировича (1181—1184, 1187—1196, 1197—1199 гг.), княжившего почти вслед за Мстиславом Ростиславичем Храбрым. Соответственно с этими наблюдениями мы и разделяем всю группу печатей с изображением св. Феодора и архангела Михаила между Ростиславом Мстиславичем (№ 152, 153, 154, 155) и Мстиславом Ростиславичем (№ 183, 184, 185, 186).

Некоторое недоумение может вызвать сравнительное обилие вариантов печати Мстислава Храброго, который княжил в Новгороде всего лишь около восьми месяцев. Однако к сфрагистике этого князя приложимо все то, что выше говорилось о печатях Рюрика Ростиславича. В Новгороде Мстислав Ростиславич княжил лишь в конце своей жизни, а до того был смоленским и киевским князем. Можно догадываться, что в группе его печатей наряду с новгородскими есть и такие, которыми он пользовался во время княжения на других столах.

Распределение булл между остальными князьями, сфрагистике которых было свойственно изображение архангела Михаила, может быть произведено только предположительно. Владимиру Святославичу, княжившему в Новгороде в 1180 г., мы относим печати с изображением архангела Михаила и св. Андрея (№ 187), известные в четырех экземплярах. Из остав-

¹²⁰ «...родился у него (Рюрика. — В. Я.) сын и нарекоша и в святемъ крещеньи дедне имя Михайло, а княже Ростислав дедне же имя». ПСРЛ, т. II. Изд. 2, стб. 567 (под 1173 г.).

¹²¹ Рюрику Ростиславичу относил известные ему разновидности рассматриваемой буллы и Н. П. Лихачев. См: Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 75.